

А.Яшлавский

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ
«ГОРЯЧИХ ТОЧЕК» СТОРОННИКОВ ЭКСТРЕМИСТСКИХ
ГРУППИРОВОК**

DOI: 10.20542/2073-4786-2019-3-191-207

Возвращать или оставить?

Военно-политический разгром таких террористических группировок, как «Исламское государство»,¹ в течение нескольких лет контролировавших значительные территории в Сирии и Ираке, актуализирует проблему иностранных боевиков, сражавшихся на стороне салафитско-джихадистских экстремистских организаций. Возвращение их в страны происхождения или отъезд в третьи страны создает почву для вполне обоснованных опасений, связанных как с угрозой организации террористических атак экстремистами, получившими боевой опыт, так и с радикализацией потенциальных сторонников экстремистских течений исламистского толка.

Впрочем, в экспертной среде порой высказываются сомнения в том, что возвращение иностранных джихадистов после военного разгрома ИГИЛ в Сирии и Ираке приобретает массовый характер. Как отмечает канадский автор работ по социологии религиозных движений Л. Доусон, по большей части выжившие и не попавшие в плен иностранные боевики-джихадисты предпочтут не возвращаться в свои страны, а «останутся в Сирии и Ираке и погибнут, защищая свое дело, или по практическим и стратегическим причинам найдут убежище в существующих джихадистских сетях в Сирии и Ираке. Как заявлял Абу Мухаммад аль-Аднани,² ИГ вернется к тому состоянию, в котором успешно существовало ранее – повстанческая группировка, ведущая партизанскую войну. Ее остающиеся члены реорганизуются, перевооружатся и продолжат делать свое дело. Некоторые также смогут найти свой путь в одной из повстанческих и джихадистских группировок, в настоящее время действующих в Сирии» [1, р. 5].

Следует признать, что по состоянию на середину 2019 г. не было зафиксировано сколько-нибудь значительных террористических действий со

---

¹ «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ) – запрещенная в России террористическая организация.

² Один из руководителей пропагандистского аппарата ИГИЛ.

стороны возвращающихся из Сирии и Ирака иностранных бойцов. Однако в дальнейшем нельзя исключать возможности подобных проявлений.

Острые дискуссии о возвращении на родину граждан, воевавших на Ближнем Востоке на стороне террористических группировок, идут в европейских странах. Ряд государств (в частности, Бельгия, Германия, Франция, Нидерланды) высказывались против репатриации своих граждан, воевавших за ИГ. Так, Швейцария выступила за то, чтобы ее граждан, воевавших на стороне ИГИЛ, судили на территории Сирии и Ирака – вместо того, чтобы судить их на швейцарской земле. В некоторых странах Европы предлагаются радикальные меры по недопущению репатриации экстремистов. Например, рассматривается возможность запрета въезда на родину европейским сторонникам террористических группировок, лишение их права на консульскую помощь, лишение их гражданства. Широкую известность, в частности, получил случай, когда Великобритания лишила гражданства Шамиму Бегум, молодую жену боевика. В марте 2019 г. СМИ сообщали о выработанных МВД и Министерством юстиции ФРГ нормах, при которых немецких джихадистов будут лишать гражданства Германии (совершеннолетие, наличие второго гражданства, участие в боях на стороне ИГ).

Очевидно, что европейские страны оказались в довольно неожиданной для себя ситуации, когда надо принимать решения, касающиеся своих граждан, воевавших на Ближнем Востоке. Вполне объяснимо нежелание этих государств брать на себя ответственность за судьбы боевиков и членов их семей, выехавших из Европы в Сирию и Ирак. Тем более, что специфика юридической системы европейских государств затрудняет привлечение к уголовной ответственности экстремистов, получивших боевой опыт и могущих стать «наставниками» для радикализирующихся неофитов.

Впрочем, опасения у властей и спецслужб европейских государств возникают не только относительно вчерашних боевиков-репатриантов, но и относительно женщин, которые порой играют активную роль в создании салафитских сетей, служат «проводниками» экстремистской идеологии и способствуют индоктринации детей. Таким образом, и члены семей сторонников ИГИЛ и аналогичных террористических группировок становятся фактически «персонами нон грата» в глазах многих европейских политиков и чиновников. В то же время существуют опасения, что такая политика будет способствовать дальнейшей маргинализации джихадистов-европейцев, что в свою очередь сделает их еще более опасными.

Эти проблемы являются острыми не только для европейских государств. Для стран, входящих в СНГ (включая Россию), также критически важным становится вопрос: что будет с боевиками из

постсоветских республик Центральной Азии, присоединившимися к террористическим исламистским группировкам на территории Сирии и Ирака. Проблема возвращения сторонников ИГИЛ и других экстремистских группировок является серьезным вызовом для властей и спецслужб республик Центральной Азии. Вряд ли подлежит сомнению, что «Центральная Азия остается крайне уязвимым, подверженным многим рискам регионом. Поскольку вызовы и угрозы стабильности Центральной Азии имеют трансграничную природу, судьбы пяти республик взаимосвязаны и взаимозависимы. В силу этого, если “евразийские Балканы” войдут в фазу дестабилизации, задача заключается лишь в правильном выборе страны, способной стать “детонатором” для региона» [2, с. 136-137].

Террористический интернационал

По данным Международного центра изучения радикализации и политического насилия (ICSR), Центральная Азия стала одним из главных (третьим по величине) «поставщиков» иностранных бойцов, воевавших на стороне террористических группировок салафитско-джихадистского толка в Сирии и Ираке. Согласно этой информации, выходцы из стран Центральной Азии составляли почти 20% от всех иностранных боевиков, в то время как население этого региона не превышает 5% всего мусульманского населения планеты. По имеющимся оценкам, численность сторонников экстремистов – выходцев из Центральной Азии с начала конфликта в 2012 г. превысила 4 тыс. боевиков [3, р. 5].

По другим данным, на начало 2017 г. количество боевиков из Центральной Азии оценивалось более чем в 5 тыс. человек, при этом на родину из зон конфликта, по оценкам, вернулось около 500 человек [4, р. 12]. Центральноазиатские же источники дают разброс между 1000 и 4000 вовлеченных в события в Ираке и Сирии боевиков ИГИЛ, происходящих из стран Центральной Азии, при этом предметом споров является вопрос о том, сколько сторонников террористических группировок отправлялись на Ближний Восток непосредственно из республик ЦА, а сколько представляют центральноазиатскую диаспору в таких странах, как Россия или Турция [5, р. 3].

Многие из отправившихся на Ближний Восток выходцев из Центральной Азии, кроме ИГ, представлены в других экстремистских группировках, таких как «Фронт ан-Нусра» (запрещена в РФ), «Джаиш аль-Мухаджирин валь-Ансар», «Джамаат Сабри», «Джамаат Имам Бухари» и т. д. Есть основания считать, что в вооруженных конфликтах на территории Сирии и Ирака участвовали выходцы из всех постсоветских

центральноазиатских государств (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Туркменистан), а также выходцы из Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Так, согласно оценкам, по состоянию на 2015 г. от 500 до 1500 этнических узбеков воевали в Сирии – причем предположительно большая часть из них были выходцами из южных районов Киргизии. С высокой степенью вероятности, большинство узбекских боевиков связано с «Исламским движением Узбекистана» (ИДУ, запрещено в РФ), которое заявило о своей поддержке ИГ в 2014 г., а его члены принесли формальную присягу аль-Багдади в августе 2015 г. Известно об узбекских командирах незаконных вооруженных формирований, воевавших на стороне «Фронта ан-Нусра» и «Сирийского исламского фронта». При этом пропаганда ИГИЛ на узбекском языке ориентирована на жителей Узбекистана, других центральноазиатских стран, а также представителей диаспоры в России.

В Киргизии утверждается, что большинство граждан республики, отправившихся на войну в Сирию, составляют политически и экономически маргинализированные этнические узбеки из южных районов Киргизии. В то же время, несомненным является наличие в рядах боевиков и этнических киргизов. В феврале 2015 г. глава МВД Киргизии сообщил о том, что 22 гражданина республики были убиты в боевых действиях в Сирии, и что в эту страну отправились около 200 граждан, в том числе 30 женщин. Также сообщалось о более чем 80 фактах попыток завербовать граждан Киргизии для отправки в Сирию [3, р. 13].

По оценкам ICSR, относительно умеренное количество боевиков отправилось участвовать в «джихаде» на Ближний Восток из Казахстана (250 человек) [3, р. 12]. Это, однако, не мешало пропаганде джихадистов использовать присутствие в зоне конфликта выходцев из Казахстана в своих целях, что вызвало в Интернете негативную реакцию со стороны многих жителей Казахстана, включая членов независимых исламских онлайн-сообществ, отрицавших любую связь между исламом и террористическими группировками типа ИГИЛ.

До 1 тыс. граждан Таджикистана, по оценкам властей этой республики, уехали в Сирию и Ирак (по оценкам же ICSR, на начало 2015 г. численность выходцев из Таджикистана, воевавших на стороне экстремистов на Ближнем Востоке, составляла 190 человек – разница в данных может объясняться тем, что во втором случае не учитывались представители таджикской диаспоры, уехавшие в зону конфликта из РФ). Другие данные говорят, что на Ближний Восток уехали 1900 граждан Таджикистана, при этом около 500 из них вывезли с собой свои семьи [6].

На Западе власти Таджикистана подвергаются критике за жесткие ограничения религиозных свобод (в том числе, сбривание бород, строгую

регуляцию содержания пятничных проповедей в мечетях и т. д.). В частности, в 2015 г. была запрещена Партия исламского возрождения Таджикистана, считавшаяся единственной в Центральной Азии легально зарегистрированной исламистской политической партией. При этом власти Таджикистана пытаются «связать» внутреннюю оппозицию (особенно ПИВТ) с ИГИЛ, а также с «заговором Запада» по дестабилизации страны.

Закрытость Туркменистана создает трудности для анализа данных, касающихся участия граждан этой республики в военных конфликтах на территории Сирии и Ирака (равно как и ситуации с возвращением их на родину). По мнению западных исследователей, ограничения свобод в Туркменистане могут способствовать радикализации части населения. По оценкам ICSR численность туркменов, воевавших на стороне джихадистов в Сирии и Ираке, на начало 2015 г. составляла 360 человек – вероятно, включая этнических туркмен из стран Леванта и Турции. При этом численность туркменов собственно из Средней Азии оценивается не более чем в 30–60 человек [3, р. 15].

Отъезд многочисленных сторонников ультрарадикально-исламистских течений в зоны конфликта на Ближнем Востоке объясняется рядом факторов, включая умелое использование идеологами джихадизма инструментов пропаганды и «мягкой силы». Нельзя также сбрасывать со счетов в качестве одного из факторов радикализации и отъезда выходцев из стран Центральной Азии в «горячие точки» под знамена джихадистских группировок известные ограничения религиозных и политических свобод, в которых Запад нередко упрекает правительства центральноазиатских республик.

Немаловажным фактором является и непростая социально-экономическая ситуация в постсоветских среднеазиатских республиках. Как отмечает А.Грозин, «можно согласиться с оценкой таджикского политолога Парвиза Муллоджанова: “Рост радикальных настроений является лишь следствием падения уровня жизни и сокращения социальных лифтов для большей части населения региона. В условиях кризиса население все больше маргинализируется, сокращаются рабочие места, происходит существенное падение реальных доходов. Соответственно растет социальное напряжение и, как следствие, наблюдается рост числа недовольных, особенно среди молодежи”. Для руководства всех пяти республик региона именно вопрос перспектив радикализации ислама носит особо значимый и чувствительный характер: данный процесс в перспективе способен кардинально изменить “политическое лицо” их государств. Радикальный, политизированный ислам власти подозревают в намерении разрушить светский характер политических систем республик, в том числе и путем создания на территории региона теократического государства. Особую тревогу вызывает

и такая альтернатива: воспользовавшись тем, что в центральноазиатских государствах нет четко установленных, устоявшихся и принимаемых большинством элит и населения правил преемственности, исламисты могут активизироваться в переходный период, обратив свои призывы свергнуть “коррупцированную и несправедливую власть” на молодежь, то есть на социально активную и лишенную серьезных жизненных перспектив категорию населения» [2, с. 138].

До того, как в Ираке и Сирии «взошла звезда» ИГИЛ, основной экстремистской организацией в Средней Азии считалось «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), действовавшее главным образом на территории Афганистана и Пакистана. Некоторые боевики из Средней Азии были рекрутированы ячейками, действующими в ЦентральноАзиатском регионе, – часто это маленькие подпольные группы.

Особо следует сказать о выходцах из Средней Азии, которые отправлялись на Ближний Восток для участия в вооруженных конфликтах на стороне радикально-исламистских группировок не из стран своего происхождения, а с территории России. Значительное число радикализированных боевиков едет в зону конфликта через РФ, куда в свою очередь они попадают в качестве «гастарбайтеров». Трудовые мигранты, оторванные от родной почвы, попадающие в непривычную культурную среду, сталкивающиеся с дискриминацией, становятся легкой добычей для экстремистских «рекрутеров», умело использующих недовольство людей своим положением.

«Отделенные от их домашних сообществ, семей и местных имамов и имеющие мало поддержки (или не имеющие вообще) от своих правительств – легко представить, как центральноазиатские трудовые мигранты в России могут стать социально отчужденными и более подверженными радикализации и вербовке насильственными экстремистскими организациями. Многие работающие в России обращаются к исламским сообществам как онлайн, так и оффлайн для изучения своей веры, особенно, если раньше это не было сильной стороной их идентичности. Поскольку они взаимодействуют с религиозными онлайн-сообществами на своих родных языках, многие становятся мишенью экстремистских вербовщиков» [3, р. 10].

Ряд выходцев из Центральной Азии играет значимую роль в деятельности ИГИЛ. Наиболее известным стал пример Г.Халимова, ранее командира ОМОН Таджикистана и участника 5 программ обучения под эгидой США (в т. ч. трех – на территории США) в 2003–2014 гг. В начале сентября 2016 г. Халимов был провозглашен «министром войны» ИГИЛ. Ранее, в августе 2014 г., другой выходец из Таджикистана был утвержден «амиром» сирийской провинции Ракка, где находилась «столица»

самопровозглашенного «халифата» ИГИЛ. Несколько этнических узбеков, имевших опыт военных действий в Афганистане, командовали бригадами в таких террористических группировках, как ИГИЛ и «Фронт ан-Нусра».

Отдельного упоминания заслуживают выходцы из стран Центральной Азии, которые уехали не в «горячие точки» Ближнего Востока воевать на стороне террористических группировок, а совершали теракты в других частях света – и зачастую «во имя» или «от лица» террористических группировок вроде ИГИЛ. Так, выходцы из Киргизии и Узбекистана участвовали в теракте в аэропорту Стамбула в 2016 г. В декабре 2018 г. в Швеции нескольких выходцев из Узбекистана и Киргизии обвинили в терроризме и связях с ИГ. По меньшей мере один из них поддерживал контакты с гражданином Узбекистана Рахматом Акиловым, который 7 апреля 2017 г. совершил теракт, направив угнанный им грузовик в толпу людей на центральной торговой улице Стокгольма.

Двойственное отношение

Как и у европейских стран, перед властями постсоветских центральноазиатских государств остро стоит проблема, связанная с репатриацией соотечественников, уехавших в «горячие точки» Ближнего Востока (а также с членами их семей, оказавшимися на сирийской или иракской земле). «Что касается феномена (возвращающихся) иностранных боевиков, диапазон возможностей политики включает в себя как превентивные меры (такие как контрпропагандистские кампании, поддержку семей и общин, в то время как кто-то из их молодых представителей находится в Сирии), так и различные опции в отношении тех, кто вернулся – включая преследование, экстрадицию, мониторинг, предоставление психологической помощи, равно как и практическую помощь в поисках жилья и решении проблем с возможной задолженностью» [7, р. 23]. Приведенное высказывание относится прежде всего к европейским обществам, но, надо полагать, оно вполне актуально и для стран Центральной Азии.

Отношение властей постсоветских центральноазиатских государств к проблеме возвращения соотечественников, уехавших в Сирию и Ирак, чтобы присоединиться к экстремистским джихадистским группировкам, можно охарактеризовать как двойственное. С одной стороны, речь идет о соотечественниках, ответственность за которых ложится на страны, чьими гражданами они являются, тем более, если речь идет о членах семей сторонников экстремистских идей – женщинах и детях. С другой стороны, очевидно, что риски, связанные с возвращением на родину боевиков, оцениваются как очень высокие, тем более в силу специфики политических

систем в странах постсоветской Центральной Азии: «Угроза со стороны возвращающихся боевиков, уходящих в подполье и вовлеченных в террористические атаки, выглядит большей, если отсутствует процесс реинтеграции и абсорбции их в по-настоящему открытое общество» [3, р. 4].

Опасения эти не выглядят надуманными, особенно, если принимать во внимание «постхалифатскую» стратегию ИГИЛ по распространению террористической деятельности за пределы Сирии и Ирака. Следует помнить, что этой группировкой было провозглашено создание «вилаята» «Хорасан», в названии которого содержится отсылка к историческому региону Великий Хорасан, объединявшему части не только современных Ирана и Афганистана, но и Средней Азии. Западные эксперты высказывают мнение, согласно которому «ИГ-Хорасан получит дополнительных иностранных членов, поскольку предлагает боевикам из Центральной Азии и Западного Китая более привлекательные и удобные опции, нежели отправка в Сирию или Ирак, особенно, когда халифат там уходит в подполье» [4].

Вряд ли в ближайшей перспективе можно говорить об угрозе партизанских действий сторонников ИГ в республиках Центральной Азии, однако опасность осуществления террористических актов со стороны возвращающихся сторонников джихадистских группировок представляется вполне реальной. Первые сообщения о возвращении домой центральноазиатских боевиков, побывавших в ближневосточных «горячих точках», относятся к маю 2013 г., когда киргизские спецслужбы задержали гражданина Киргизии, который после обучения в Турции отправился в Сирию. Тогда же таджикские СМИ сообщали о гражданах Таджикистана, уезжающих в Сирию. В июле 2013 г. китайские органы по борьбе с терроризмом арестовали 23-летнего Мемети Айли, предполагаемого члена «Исламского движения Восточного Туркестана», который, как утверждается, возвращался из Сирии для осуществления террористических актов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. В августе 2013 г. в Ошской области спецслужбы Киргизии задержали трех членов «Союза исламского джихада»³ (двое из них – граждане Киргизии, один – гражданин Казахстана), уезжавших в Сирию и вернувшихся в Киргизию для подготовки терактов в Бишкеке и Оше в преддверии саммита ШОС [8, р. 22]. В феврале 2014 г. в Оше (Киргизия) были арестованы шесть подозреваемых, некоторые из них, как сообщалось, проходили подготовку в тренировочных лагерях в Сирии перед возвращением в Киргизию.

---

³ Организация запрещена на территории РФ.

Власти Казахстана связали с «Исламским государством» нападения, осуществленные в г. Актобе в июне 2016 г., в результате которых погибли 18 нападавших, 3 представителя силовых структур и 5 гражданских лиц. Сообщалось, в частности, что участники нападения руководствовались призывами одной из главных фигур в пропагандистском аппарате ИГИЛ — Абу Мухаммада аль-Аднани. При этом ИГ не брало на себя ответственность за события в Актобе [9].

В государствах Центральной Азии практикуются различные подходы к проблеме возвращения в страну лиц, отправившихся воевать за рубежом.

В **Таджикистане** в 2015 г. были приняты поправки в Уголовный кодекс (примечание к статье 401 УК), дающие властям республики возможность предоставлять помилование таджикским боевикам, которые добровольно отказались от службы в рядах иностранных военных группировок, вернулись домой и раскаялись в содеянном. В то же время эта мера применяется только к тем, кто не принимал непосредственного участия в боевых действиях.

По официальным данным, помилование получили более половины вернувшихся за последние годы с территорий, подконтрольных ИГ. (В частности, в 2016 г. власти республики сообщали о 60 гражданах страны, которые добровольно вернулись из зон боевых действий в Сирии и Ираке и, покайсявшись, сдались властям.) Остальные были осуждены за наемничество и приговорены к заключению. Нераскаявшимся боевикам грозит лишение свободы сроком от 12 до 20 лет [10]. Что касается тех, на кого было распространено помилование, то они остаются под наблюдением правоохранительных органов, однако им не чинят препятствий при устройстве на работу или поступлении в учебные заведения, а также не ограничивается их выезд за границу.

В **Казахстане** политика по отношению к возвращающимся на родину боевикам строится на том, что они должны быть задержаны по подозрению в совершении преступлений по статьям 170 и 172 УК страны, после чего суд должен определить степень их вины. Также закон предусматривает лишение гражданства для лиц, осужденных за совершение терактов, создание и руководство террористической группировкой, участие в ее деятельности.

Статья 170 УК Республики Казахстан («Наемничество») предусматривает наказание лишением свободы на срок от 7 до 10 лет. При этом деяние, повлекшее гибель людей или иные тяжкие последствия, наказывается лишением свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненным лишением свободы с лишением гражданства Республики Казахстан или без такового, либо смертной казнью с конфискацией имущества. Статья 172 УК («Участие в иностранных вооруженных конфликтах») предусматривает наказание за умышленное неправомерное участие в вооруженном конфликте

или военных действиях на территории иностранного государства при отсутствии признаков наемничества лишением свободы на срок от 5 до 9 лет. В мае 2019 г. МИД Казахстана сообщил, что 16 мужчин и 4 женщины, вернувшиеся в Казахстан из Сирии, задержаны по подозрению в причастности к террористической деятельности.

О том, что в отношении возвращающихся из «горячих точек» граждан будут проводиться расследования, сообщали власти **Киргизии**. Точной информации о численности вернувшихся граждан республики нет. Если участие граждан Киргизии в военных конфликтах удастся доказать, им грозит преследование по нескольким статьям Уголовного кодекса КР. По данным Генеральной прокуратуры республики, в 2018 г. правоохранительными органами было заведено 110 уголовных дел в отношении граждан, уехавших в Сирию в зоны боевых действий, причем на основании собранных доказательств в отношении 111 человек были выдвинуты обвинения. Из 110 уголовных дел 55 были переданы в суд, и 44 человека были признаны виновными. Показательно, что из числа признанных виновными подавляющее большинство (76%) осужденных – выходцы из Ошской области, а 12% – из Джалал-Абадской. Большинство осужденных составляют граждане до 30 лет; 6% от общего числа осужденных – женщины [11].

Работа по возвращению на родину боевиков, имеющих кыргызстанское гражданство и осужденных в Сирии и Ираке, по состоянию на середину 2019 г. лишь начиналась. По сообщению пресс-службы Министерства иностранных дел Кыргызской Республики, 3 июня 2019 г. прошло совещание межведомственной группы по вопросу, касающемуся кыргызстанцев, находящихся в пенитенциарных учреждениях Ирака со своими несовершеннолетними детьми, а также граждан, находящихся на территории Сирии. Согласно данной информации, к этому моменту органами Киргизии совместно с иракскими властями завершены мероприятия по идентификации личностей граждан, прорабатывается вопрос их возвращения в Киргизию. Аналогичная работа ведется по гражданам республики, находящимся в Сирии [12].

В **Узбекистане** возвращавшихся из-за рубежа боевиков ожидало преследование по двум статьям Уголовного кодекса («Наемничество» и «Осуществление террористической деятельности»), что грозило длительными сроками заключения (до 20 лет лишения свободы). Впрочем, теоретически в случае сотрудничества таких боевиков со следствием и при условии, что экстремист не совершил тяжелых преступлений и раскрыл своих подельников, был шанс на прощение.

В сентябре 2018 г. президент Узбекистана Ш.Мирзиёев подписал постановление («О совершенствовании порядка освобождения от уголовной

ответственности граждан Республики Узбекистан, по заблуждению оказавшихся в составе террористических, экстремистских или иных запрещенных организаций и групп»), которое дает шанс вернуться на родину раскаявшимся членам террористических группировок (речь идет не только о тех, кто побывал в зонах боевых действий в Сирии, Ираке, но и в Афганистане).

Согласно этому постановлению, специальная Республиканская межведомственная комиссия имеет право освободить гражданина от уголовной ответственности в случае, если он лично явился с повинной и чистосердечно раскаялся в содеянном. Кроме того, в обязанность бывшим боевикам вменяется раскрытие преступной деятельности организации, в которой они состояли [13]. Документ предоставляет реабилитированным бывшим экстремистам помощь в трудоустройстве, социально-правовую помощь. При этом при повторном нарушении закона возможность реабилитации не предусмотрена. Освобождение от уголовной ответственности не распространяется на идеологических или духовных лидеров запрещенных организаций, на боевиков, которые непосредственно участвовали в боевых действиях и диверсиях, а также занимались терроризмом или его финансированием.

Женщины и дети

Отдельной и весьма болезненной проблемой, связанной с отъездом выходцев из Центральной Азии в зону конфликта в Сирии и Ираке, является ситуация с членами семей боевиков, оказавшихся после разгрома основных сил террористических группировок, вроде ИГ, на территориях, контролируемых либо правительственными (проправительственными), либо оппозиционными (например, курдскими военизированными формированиями) силами. По некоторым оценкам, из общего числа выходцев из Центральной Азии, уехавших в Сирию и Ирак, чтобы присоединиться к ИГ, женщины и несовершеннолетние составляют 30% (для сравнения: среди выходцев из Восточной Азии – до 70%, из Восточной Европы – 44%, из Западной Европы – 42%, из стран Ближнего Востока и Северной Африки – 8%) [14, р. 3].

По данным только за 2014–2015 гг., в зонах конфликта в Ираке и Сирии находилось около 1 тыс. женщин из Центральной Азии [15]. Судя по имеющимся сведениям, немалое число овдовевших после гибели их мужей женщин-иностранок, оказавшихся на территории самозванного «халифата», превращались фактически в рабынь, в «живой товар», который продавался, насильственно выдавался замуж за других боевиков. Есть свидетельства, что

многие из этих женщин испытывали разочарование и описывали жизнь в «халифате» как «ад».

Многие женщины (как правило, супруги боевиков) и дети, выросшие или даже родившиеся на контролируемых террористическими группировками территориях, после падения самозванного «халифата» оказались в непростой ситуации. Часть из них попала в тюрьмы на территории Ирака, где им зачастую выносятся весьма суровые приговоры, другие находятся в лагерях на контролируемых, например, формированиями сирийских курдов территориях.

В связи с этим вполне понятны мотивы действий властей ряда центральноазиатских государств по возвращению своих граждан на родину из стран ближневосточного региона. Именно женщины и несовершеннолетние чаще всего эвакуируются на родину властями центральноазиатских республик. В частности, в начале 2019 г. власти Таджикистана организовали работу по возвращению находящихся в Сирии таджикстанцев. По оценкам, более 50 женщин и детей боевиков ИГ из Таджикистана пребывали в палаточных лагерях на сирийско-иракской границе на контролируемой курдскими формированиями территории, при этом в Ираке, по данным властей Таджикистана, в тюрьмах находились 43 женщины и 92 ребенка.

Трудность возвращения сограждан домой заключается в соблюдении ряда юридических требований (для того, чтобы вернуть в Таджикистан детей, необходимо получение судебного разрешения от родителей, которые зачастую находятся в иракских пенитенциарных заведениях как сторонники террористических формирований). В апреле 2019 г. в Душанбе из Ирака были вывезены 84 таджикских ребенка (дети боевиков таджикстанского происхождения, уехавших на Ближний Восток), чьи матери были арестованы в Ираке за пособничество террористам.

В 2019 г. в Казахстане в несколько этапов была проведена гуманитарная операция «Жусан» по возвращению на родину из стран Ближнего Востока граждан республики – в первую очередь женщин и детей. По информации Комитета национальной безопасности Казахстана (КНБ) на июль 2018 г., с момента начала конфликта на Ближнем Востоке туда уехали около 800 граждан республики, при этом в Сирии и Ираке находится более 250 женщин и 500 несовершеннолетних детей (часть из которых родились уже за рубежом) [16].

В январе 2019 г. было объявлено об эвакуации в рамках первой фазы гуманитарной операции 47 граждан республики из Сирии (в т. ч. 30 детей и 11 женщин). В мае из Сирии в Казахстан было возвращено еще более 230 граждан страны (больше половины из них – дети, в основном дошкольного

возраста) в рамках второго этапа операции «Жусан», а в ходе третьего этапа из Сирии на родину был вывезен 171 ребенок.

По данным казахстанских властей, возвращающимся согражданам обеспечиваются условия для адаптации и социальной реабилитации, предусмотрено получение необходимой помощи. В то же время в отношении ряда граждан, заподозренных в террористической деятельности, возбуждается досудебное расследование. Декларируется, что вину вернувшихся из Сирии казахстанцев должен определять суд, а для их детей в девяти регионах страны решено построить реабилитационные центры (на эти цели Министерство образования и науки по государственному социальному заказу запланировало выделить 200 млн тенге) [17].

Вслед за Казахстаном и Таджикистаном проблемой оказавшихся в «горячих точках» соотечественниц и их детей занялся Узбекистан. В мае 2019 г. власти Узбекистана специальным авиарейсом вывезли с Ближнего Востока 156 граждан республики (большинство из них – женщины и дети) [18]. По информации пресс-службы президента Узбекистана, правительством будет оказана медицинская, психологическая, материальная и моральная помощь «людям, по заблуждению покинувшим нашу страну, пережившим тяжелый жизненный период».

По сравнению с Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном, в Киргизии предпринимаются достаточно осторожные шаги по возвращению соотечественников из ближневосточных «горячих точек». В июле 2018 г. Государственный комитет национальной безопасности (ГКНБ) сообщил, что в зону боевых действий в Сирии выехали около 850 граждан Кыргызстана (из которых 150 погибли), при этом около 140 женщин вступили в ряды группировки ИГ. Многие из них отправились в Сирию вместе с детьми или родили их уже на территории этой страны [19].

По состоянию на первую половину 2019 г. в правительстве Киргизии была сформирована комиссия, прорабатывающая вопрос возвращения кыргызстанцев из лагерей Сирии и Ирака. МИД сообщил, что ведется работа по определению количества и идентификации находящихся на Ближнем Востоке (в т. ч. на неподконтрольных официальным властям территориях Сирии) граждан. При этом строительство реабилитационных центров для «возвращенцев», судя по всему, не входит в число приоритетов властей республики. Это связано как с проблемами финансирования, так и неоднозначным отношением общества к проблеме соотечественников, уехавших воевать за рубежом на стороне экстремистов.

Трудный выбор

Очевидно, что проблема возвращения уехавших в горячие точки выходцев из постсоветских республик Центральной Азии (как тех, кто более или менее сознательно присоединился к экстремистским и террористическим силам, так и членов их семей) не имеет простых решений. Правительства центральноазиатских государств оказываются перед непростым выбором: добиваться отправки на родину всех своих граждан, оказавшихся в «горячих точках»; игнорировать наличие за рубежом соотечественников, часть которых стала жертвой изоощренной пропаганды радикальных исламистов; или объявить всех уехавших потенциальными террористами и ввести против них исключительно репрессивные меры?

Безусловно, нет и не может быть оправдания терроризму. Однако вряд ли в долгосрочной перспективе жесткий подход (если не предполагается иных) будет способствовать гражданскому миру и дерадикализации. И потому здесь крайне важно проявлять осмотpительность.

Как отмечают наблюдатели, правительства центральноазиатских стран используют страх перед возвращением на родину «ветеранов джихада» из ближневосточных горячих точек для «закручивания гаек» во внутренней политике. В частности, утверждается, что «таджикские власти используют угрозу исламского радикализма для подавления внутренней оппозиции. Таджикские власти обвинили лидеров Партии исламского возрождения Таджикистана в связях с ИГИЛ. ...Верховный суд запретил эту партию» [15]. В то же время следует признать, что «связи, сохранявшиеся между оставшимися членами ПИВТ и перебежчиками в экстремистские и запрещенные организации, давали правоохpанительным органам повод все чаще обвинять партию в причастности к террористической деятельности и арестовывать ее членов, несмотря на то, что многие западные правозащитные организации признавали эти действия властей Таджикистана нарушениями свобод и прав человека» [20, с. 126].

В связи с этим важно отметить, что призванные служить сохранению социальной стабильности репрессивные меры (особенно чрезмерные и необоснованные) могут лишь способствовать радикализации части общества. Поэтому представляется необходимым поиск путей умелого сочетания как жестких мер, так и инструментов мягкой силы в деле противостояния экстремизму.

Безусловно, нераскаявшиеся сторонники террористов должны быть изолированы от общества и понести заслуженное наказание. При этом следует отметить, что проблема заключается и в том, что нередко имеющие опыт участия в военных конфликтах заключенные — сторонники

террористических группировок (прежде всего ИГ) пытаются вести пропаганду и вербовку в пенитенциарных заведениях, давая повод говорить о феномене «академий джихада» в тюрьмах и колониях. Наиболее ярким примером активности центральноазиатских сторонников ИГ, находящихся в заключении, стал бунт в Вахдатском районе Таджикистана (19 мая 2019 г.). (Кстати, согласно данным СМИ, среди жертв нападений сторонников ИГ оказались находившиеся также в заключении представители Партии исламского возрождения Таджикистана.)

В этой связи заслуживающим внимательного изучения представляется опыт Казахстана, где изменен режим содержания осужденных, связанных с джихадистскими организациями. Такие заключенные содержатся в одной колонии под самым строгим надзором, власти не допускают их контактов с другими осужденными, что сильно ограничивает возможности джихадистов по индоктринации и вербовке прочих заключенных.

Несомненно, необходима кропотливая и особо выверенная работа с каждым из возвращающихся из «горячих точек» боевиков, уехавших поддержать экстремистские группировки. В этой работе нет места «всепрощению» (надо внимательно изучать деятельность и образ мыслей таких людей), но вряд ли стратегически верным может быть и автоматическое наказание всех без разбора вернувшихся на родину людей, попавших под влияние экстремистских идей. Излишняя жесткость преследования создает опасность того, что в окружении (семейном, соседском, товарищеском и т. д.) подвергшихся наказанию (и даже в более широком общественном кругу) может возникнуть неприятие действий властей – что в свою очередь может стать почвой для индоктринации экстремистскими идеями в будущем. Именно поэтому необходимо всестороннее изучение не только международного опыта по обращению с «иностранными бойцами» экстремистских группировок, но и подходов к этой непростой проблеме на международном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dawson L.L. 2018, *The Demise of the Islamic State and the Fate of Its Western Foreign Fighters: Six Things to Consider* – ICCT Policy Brief. The International Centre for Counter-Terrorism. The Hague 9. DOI: 10.19165/2018.2.04
2. Грозин А. 2018. Стратегическое значение Центральной Азии с точки зрения актуальных международных отношений. – *Центральная Евразия*, №1, с. 130-147.

3. Lynch III Th.F., Bouffard M., King K., Vickowski G. 2016. *The Return of Foreign Fighters to Central Asia: Implications for U.S. Counterterrorism Policy*. – Strategic Perspectives 21. Center for Strategic Research. Institute for National Strategic Studies. Washington, D.C. National Defense University Press. 33 p.
4. Barrett R. 2017. *Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees*. URL: <http://thesoufancenter.org/wp-content/uploads/2017/10/Beyond-the-Caliphate-Foreign-Fighters-and-the-Threat-of-Returnees-TSC-Report-October-2017.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).
5. Gleason G., Kangas R. 2017. *Foreign Fighters and Regional Security in Central Asia*. URL: https://www.marshallcenter.org/mcpublicweb/mcdocs/files/College/F_Publications/secInsights/security_insights_17.pdf (дата обращения: 13.06.2019)
6. Власти Таджикистана намерены вернуть своих граждан из Сирии. URL: <https://asia-times.org/obschestvo/2962-vlasti-tadzhikistana-namereny-vernut-svoih-grazhdan-iz-sirii.html> (дата обращения: 03.06.2019)
7. Bakker E., Paulussen Ch., Entenmann E. 2014. Returning Jihadist Foreign Fighters: Challenges Pertaining to Threat Assessment and Governance of this Pan-European Problem. – *Security and Human Rights*, № 25, pp. 11-32. DOI: 10.1163/18750230-02501002
8. Soliyev N. 2013. Caucasian and Central Asian Fighters in Syria: A Security Concern for the SCO. – *Counter Terrorist Trends and Analyses*. Vol. 5, No. 11, pp. 21-23.
9. Botobekov U. *Is Central Asia Ready to Face ISIS?* URL: <https://thediplomat.com/2016/07/is-central-asia-ready-to-face-isis/> (дата обращения: 13.06.2019).
10. Власти Таджикистана озабочены возвращением «джихадистов» из Сирии. URL: <https://rus.ozodlik.org/a/28610097.html> (дата обращения: 01.07.2019).
11. КР прорабатывает вопрос возвращения своих граждан из Сирии и Ирака. URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-syria-return-citizen/29981217.html> (дата обращения: 10.07.2019).
12. Кыргызстанцев, осужденных в Сирии и Ираке, хотят вернуть на родину. – *Sputnik Кыргызстан*, 03.06.2019. <https://ru.sputnik.kg/incidents/20190603/1044558866/kyrgyzstan-siriya-irak-osuzhdenie-vozvrashchenie.html> (дата обращения: 10.07.2019).
13. Узбекистан дал раскаявшимся экстремистам шанс на возвращение домой. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2018/10/09/feature-01 (дата обращения: 09.07.2019).

14. Cook J., Vale G. 2018. *From Daesh to 'Diaspora': Tracing the Women and Minors of Islamic State*. ICSR. King's College London. 72 p.
15. Botobekov U. *The Central Asian Women on the Frontline of Jihad*. URL: <https://thediplomat.com/2017/01/the-central-asian-women-on-the-frontline-of-jihad/> (дата обращения: 02.07.2019).
16. *Что известно о возвращении десятков казахстанцев из Сирии?* URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-syria-return/29699493.html> (дата обращения: 04.06.2019).
17. *Вину вернувшихся из Сирии казахстанцев будет определять суд*. URL: <https://www.zakon.kz/4938851-vinu-vernuvshihhsya-iz-sirii.html> (дата обращения: 04.06.2019).
18. *Операция «Добро». Узбекистан вывез из Сирии и Ирака 156 своих граждан*. URL: <https://rus.azattyq.org/a/uzbekistan-156-grazhdan-vyvezeny-s-blizhnego-vostoka/29973684.html> (дата обращения: 05.06.2019)
19. *МИД Кыргызстана: мы пытаемся вернуть граждан страны из Сирии и Ирака*. URL: <https://rus.ozodlik.org/a/29746552.html> (дата обращения: 05.06.2019).
20. Муртазин М. 2018. Таджикистан: победа над исламом? — *Россия и новые государства Евразии*, № 2, сс. 109-129. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-2-109-129